

Часть первая

ПРО НАШУ УЛИЦУ МИРА,
ВЛЮБЛЕННОЕ СЕРДЦЕ,
КАТЕРИНУ И ОТРУБЛЕННЫЙ
ПАЛЕЦ

Глава первая

Когда я счастлива, в моей голове играет мелодия из старого французского фильма «Мужчина и женщина», который мы с Ирой смотрели прошлым летом в парке под открытым небом.

Вот Марк Василевский — причина всех волнений — взял из моих рук два тяжелых пакета с учебниками, и внутреннее подсознательное радио тут же включилось.

«Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да...» Когда Марк улыбнулся самой очаровательной на свете улыбкой, мелодия заиграла быстрее: «Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да-да...» Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Будто я раскрутилась на самой быстрой карусели с белыми лошадьми и теперь, крепко держась за пластмассовую гриву, несусь навстречу чему-то светлому и волшебному. Конечно, это чувство пронзительной радости не могло длиться вечно. Ирка, сама того не подозревая, все испортила. Словно нажала на красную кнопку «Стоп», и я, резко затормозив, едва не навернулась с дурацкой воображаемой лошади.

— Тебе не жить, — шепнула мне на ухо подруга. Хорошо, что Василевский этого не расслышал.

— Вер, куда отнести? В учительскую? — спросил Марк, не сводя с меня ясных голубых глаз. Таких ярких, как весеннее небо.

— Да, в учительскую, — кивнула я, силясь первой отвести взгляд. — Лидия Андреевна у тебя все учебники примет.

— Ира, давай свой пакет тоже, — обратился к моей подруге Марк.

— Унесешь ли? — усомнилась Ирка. — Тяжело будет!

— Унесу, — парень переложил два пакета в одну руку, и Ира передала ему новую порцию учебников.

— Только вы мне дверь придержите.

— Конечно! — засуетилась я. Взбежала на крыльцо и распахнула перед Василевским тяжелую дверь.

— Спасибо! — Напоследок Марк снова так обаятельно улыбнулся, что я едва не растаяла.

С задумчивым видом спустилась с крыльца. В школу возвращаться не хотелось. Сегодня нам с Ирой разрешили прогулять алгебру с условием, что мы принесем учебники из соседнего корпуса, где учатся младшеклассники. Что ж, Василевский сам вызвался помочь, а наша миссия выполнена. Теперь со спокойной совестью можно идти домой.

Мы с Иркой прошли в глубь школьного двора и уселись на высокий бордюр под липами.

— Капец, Василевский за весь учебный год впервые обратился ко мне по имени, — проговорила Ирка, подперев подбородок кулаком. — Я уж думала, что он даже не в курсе, как меня зовут.

— А мы часто с ним пересекаемся, — пожалала я плечами. Старалась придать своему голосу равнодушие, но у самой внутри все дрожало. Меня нередко охватывала паника, когда Марк находился рядом. Наверное, все дело в его

красивых голубых глазах. — На учебных собраниях, к примеру.

— Ах, ну вы же два наших школьных активиста, — обреченно махнула рукой Ирка. Мол, все с вами понятно. Скучища. — И все-таки странно, что всего за один учебный год Марк стал всеобщим любимцем.

— Почему странно? Марк очень симпатичный, умный, обаятельный.

— А главное — покорило сердце нашей Оксаночки Соболя, — скривилась Ирка.

— Это ты из-за нее меня предупредила о скорой кончине? — усмехнулась я.

— Ну конечно! Соболя по пятам за Марком ходит.

— А для чего ей это? У Оксаны же есть Кузя.

— Ха, сравнила Марка и Кузю! — покачала головой Ирка. — Кузьменко прошел мимо нас, будто мы с тобой — пустое место. А Василевский пакеты с книгами вызвался отнести. Так что Кузя — не рыцарь.

— Ни разу не рыцарь, — вяло откликнулась я, уткнувшись в телефон. Вот уж кого неинтересно обсуждать — так это Макса Кузьменко. Более ограниченного типа в нашей гимназии не найти.

Над нами шумели липы. Пока я лениво листала ленту в инсте, Ирка подобрала палку и принялась ею тыкать в муравьев, которые гордо шествовали вдоль белого бордюра.

— Господи, ну где Даня? — вдруг рассердилась подруга, поглядывая на школьное крыльцо. — Вечно понахватает двоек в конце учебного года, потом его дожидайся, пока все исправит.

— Он ведь думает, мы еще с учебниками возимся, — не отрываясь от телефона, проговорила я. — Пойдем домой без него?

— Не могу без него, я ключи забыла.

Даня — брат-близнец Иры. И похожи они не только внешне. Оба смуглые, темноглазые и очень шумные.

Внезапно Ирка пихнула меня локтем, я чуть телефон из рук не выронила.

— Нельзя осторожнее? — нахмурилась я.

— Нельзя! Соболь на нас из окошка пялится.

— Где?

Я подняла глаза и оглядела окна гимназии.

— На втором этаже, из рекреации.

Оксана Соболь, длинноногая красавица с роскошной копной медных волос, смотрела в нашу сторону. У окна толпились и другие одноклассницы, но почему-то мы с Ирккой во все глаза глядели лишь на Соболь. Холодные зеленые глаза, поджатые губы...

— Пусть пялится, — наконец великодушно разрешила я, снова возвращаясь к телефону.

— Блин, Вера, кажись, она видела, как мы с Марком болтали.

— Болтали? Он просто у нас пакеты с учебниками забрал.

— Угу, и при этом сиял, как медный таз, глядя на тебя.

— Ну скажешь тоже, — смутилась я, вспомнив обаятельную улыбку Василевского.

— Мне кажется, Соболь тебя сейчас взглядом испепелит, — продолжила нагнетать Ирка.

Я снова осторожно подняла голову и посмотрела на окна второго этажа. На стекле, прямо над головой Соболь, играли блики, и эти слепящие солнечные пятна напоминали корону на волосах одноклассницы. Мы с Оксаной какое-то время смотрели друг на друга, а затем она внезапно так хищно усмехнулась, что по моей коже пробежала дрожь.

— Чую, разборки не избежать, — вздохнула Ира.

— Помолчи, Третьякова! — рассердилась я. Стало не по себе. — Каких еще разборок? Они даже не встречаются! Марк всего лишь помог отнести учебники в учительскую. И я — президент ученического совета. Делать мне нечего — с этой пустоголовой Соболев отношения выяснять.

— Никогда не забуду, как в девятом классе эти стервы вытурили из нашей школы Наташу Сухопарову, после того как она с Кузей в кино сходила.

— Никто ее не вытурил, — снова возразила я. — Наташа перевелась в другую школу из-за того, что они с семьей в другой район переехали.

— Ага, ага! — не унималась Ирка. — Наивная ты душа, Вера Азарова! А в раздевалке на физре содержимое сухопаровской косметички тоже из-за переезда попортили? И в душевой Наташу заперли!

— Что ты от меня хочешь? — рассердилась я.

— Ничего не хочу, — проворчала Ира, которая любила сгущать тучи над любой ситуацией. — Просто предупреждаю, чтоб ты Василевскому глазки поменьше строила.

— Сама разберусь с Василевским, — буркнула я. Сняла с запястья резинку-пружинку и стянула светлые волосы в короткий хвост.

Мы замолчали. Ира еще некоторое время тяжело вздыхала, продолжая вертеть палку, облепленную муравьями. Я молча наблюдала, как несколько насекомых перешли к военным действиям и уже целым отрядом маршировали по Иркиному рюкзаку, который валялся на асфальте у ног подружки. Когда муравьи подобрались к носкам моих розовых «вансов», я вскочила.

— Ты чего? — подняв голову, удивленно посмотрела на меня Ира.

— Ничего. Мы у самого муравейника уселись. И Данька вон вышел!

Ирка тут же поднялась следом. Даня появился на крыльце вместе с подружками Соболев. Я машинально взглянула на окна, но Оксаны в рекреации уже не было. Значит, скоро и она выйдет на улицу. Даня, активно жестикулируя, что-то рассказывал девчонкам, а те заливались громким противным хохотом, как крикливые чайки на набережной. Мы с Иркочкой так и топтались под липами.

— Что он там десны сушит? — проворчала подружка. — Почему не идет к нам?

— Да выбрось ты эту палку! — выдернула я из Иркиных рук прутик, облепленный муравьями.

— Разве он не знает, что эти курицы — наши враги?

— Думаю, у парней все немного по-другому устроено, — ответила я. — И пофиг твоему Дане на наших врагов.

Тут на крыльцо выплыла Соболев. Даня тут же повернул голову в сторону одноклассницы и что-то ей негромко сказал. Девчонки снова захихикали, а Оксана широко заулыбалась.

— Долго он будет с ними любезничать? — вскипела Ирка. — Я жрать хочу! Ключей нет.

— Твой брат, ты с ним и разбирайся, — вздохнула я. Если честно, тоже бы уже отправилась домой.

Ирка так пронзительно свистнула, что стайка воробьев вспорхнула с соседней клумбы. Даня с недовольным видом развернулся в нашу сторону, а Соболиха впиалась в меня злющим взглядом, будто это я отвлекла их от беседы.

— Чего тебе? — не слишком вежливо выкрикнул Даня.

— Ключи дай! — проорала Ира.

Даня вздохнул, бросил еще что-то напоследок одно-классницам (те снова счастливо разулыбались) и спустился с крыльца.

— Наконец-то. Разродился! — проворчала Ира, хватая с асфальта темный рюкзак.

— Чего вопишь на всю улицу? — подошел к нам Даня.

— Если и дальше собираешься с этими инфузориями ворковать, то просто отдай ключи от дома. Или пойдем с нами, есть хочю, сил нет!

— Тебе лишь бы брюхо набить, — проворчал Даня, тем не менее направляясь к воротам.

Мы с Ирккой засеменили следом. Я напоследок обернулась к крыльцу, в надежде, что там появится Марк, но лишь снова встретила с презрительным взглядом Оксаны.

А Ирка уже привязалась к Дане:

— Как думаешь, сильно нашей Вере влетит от Соболя?

— А что такое? — заинтересовался Даня.

— Ир-ра! — рыкнула я, догоняя подругу и ее брата. — Зачем его посвящать в такие глупости?

— Какие глупости? Расскажите! — потребовал Даня. — Что вы с Оксаной не поделили? Не хотел бы я занять врага в лице Соболя.

— Пф, кто эту кулему из отряда кунных вообще боится! — фыркнула я, впрочем, без особой уверенности.

— Они не поделили Марка Василевского! — выдала Ира.

— Этого пижона? — поморщился Даня. — С модной укладочкой и в стеганой курточке «Барбур»?

— Ты его не любишь, потому что он в нашем классе занял твое место! — тут же ядовито отозвалась Ирка.

— Вообще пофиг! — запротестовал Даня. — Мое место никто не может занять, поняла?

— То-то все бабы теперь на него вешаются, — не унилась Ира.

— Ну спасибо! — встряла я. Как она меня ловко ко всем «вешающимся бабам» приписала. Хотя Марк мне нравился, но виду я никогда не подавала.

— Ты видела сейчас мой прайд на крыльце? — самодовольно спросил Даня, кивнув в сторону школы. К тому времени мы уже вышли на широкую улицу, на которой располагалась гимназия и совсем рядом мой дом. Из окон кухни было видно ненавистное кирпичное здание нашего учебного заведения. Так себе вид...

— Это они по старой дружбе не хотят обижать захиревшего льва, — ответила Ира. Она обожала подкалывать брата.

— Че это я захиревший? — оскорбился Даня. — Да мне эта популярность вообще побоку. Это вы, девчонки, пыжитесь что-то вечно.

— Ну-ну! Сам ты пыжик!

У меня от их спора уже голова разболелась. Свернуть бы куда-нибудь от близняшек, только мы живем на одной улице, да еще и в одном доме.

— Как ты меня достала уже! — проворчал Даня. Затем поравнялся со мной и легонько подтолкнул плечом. — Вер, что у вас там с Василевским?

Я метнула в Ирку убийственный взгляд, но подруга шагала к дому как ни в чем не бывало.

— Ничего у нас с ним нет! — буркнула я. — Больные фантазии твоей сестры.

— А-а-а, — протянул Даня. — Это она может. Только разве Соболев не мутит с Кузей?

— Ты сплетни о своем прайде похлеще нас собираешь, Симба! — хмыкнула Ирка. — Тебе виднее.

— Сдался ей этот Василевский, когда есть Макс? — продолжал удивляться Даня.

— О-о, — протянула Ирка. — Ты многого не знаешь о коварстве девчонок, Данечка! Кузя — это так, безобидная синичка в руках, а Марк — прекрасный журавль!

С «прекрасным журавлем» я была полностью согласна. А вот Даня только презрительно хмыкнул. Все-таки не нравился ему пришедший в этом году в наш класс Василевский.

В кармане джинсовки завибрировал телефон. Я притормозила и крикнула:

— Вы идите, я догоню!

Даня и Ира, кажется, и не услышали то, что я им прокричала. Продолжили идти и громко спорить о Марке.

Я достала из кармана телефон и смахнула уведомление о новом сообщении. Отправитель: засекреченный номер. Текст: «Теперь точно берегись».

* * *

Не считаю, что стоит обращать внимание на таких дурьнд, как Оксана Соболев. Это ниже моего достоинства. Именно поэтому я не придавала значения «тайнственному» посланию. Все знают, что Соболев с головой не дружит и лучшее оружие против нее — игнор. Вот она побесится, когда поймет, что я ни капельки ее не боюсь. А если продолжит дурью маяться, расскажу все классному руководителю. А может, и директору. Все-таки я в школе не последний человек. Должны прислушаться.

А вообще зря она волнуется. С Василевским мне ничего не светит. Да, мы с Марком часто пересекаемся на собраниях, где решаются организационные вопросы о жизни нашей гимназии. Да, я одна из немногих девочек в параллели, с которыми он периодически общается... Но на этом все. Марк улыбается мне точно так же, как и остальным гимназисткам. И если кто-то из них после этого принимается строить воздушные замки насчет Василевского, то я точно этого делать не буду. А Оксана лучше бы сразу сделала массовую рассылку среди десятых, потому что я — не единственный объект флирта у Марка.

Я даже поначалу решила не рассказывать Ирке о дурацком сообщении, потому что Третьякова точно развопится и найдет в этом сакральный смысл и реальную угрозу. Но все-таки, от нечего делать, показала предупреждение на следующий день во время первого урока. Все равно мы долго ждали опаздывающего историка и заняться было нечем. Просто молча придвинула подруге телефон с открытым сообщением.

— И что это? — Ирка округлила глаза. — От кого?

Я только пожала плечами. Тогда Третьякова склонилась к телефону, едва не уткнувшись носом в экран. Затем подняла голову и удивленно уставилась на меня.

— Это от Соболев, точно тебе говорю. Я ж предупреждала!

— Ой, Ир!

— Что теперь будешь делать?

— Найму двух качков-телохранителей, чтобы встречали меня от репетитора.

— Да ну тебя, Вер! — нахмурилась Ира. — Я б на твоём месте реально позаботилась о своей безопасности.

— Предлагаешь купить бронжилет? — развеселилась я.

— Смейся, смейся!

— Серьезно, Ира, что она мне сделает? Маразм какой-то.

В этот момент, как назло, к нашей парте подошел Марк Василевский и приветливо произнес:

— Вер, привет! Помнишь про сегодняшнее собрание?

— Угу, — промычала я, оглядывая класс. Несколько девчонок уже впились глазами в спину Марка. Соболь — в том числе.

— Лидия Андреевна просила подготовить списки учеников для летней школы, — продолжил Василевский. Взял мою розовую ручку с единорогами и принялся крутить ее в руках.

— Да, это я тоже помню, — ответила я.

Василевский что-то задержался у нашей парты. Ирка заерзала на месте. Но следующая фраза одноклассника и вовсе привела Третьякову в ужас.

— Тогда я встречу тебя после уроков, вместе пойдем, хорошо? — И Марк так широко и ласково мне улыбнулся, что я совсем растерялась.

— Хорошо, — с трудом проговорила я. Язык стал тяжелым и неповоротливым.

— Прикольная ручка! — добавил Василевский между делом.

— Дарю, — ответила я. Пошутила, конечно. Куда ему эта девчачья розовая ручка? Но Марк взял со стола колпачок в виде единорожьей мордочки, нацепил его на ручку и бережно положил в нагрудный карман рубашки.

— Спасибо, — снова улыбнулся он.

Ирка схватила меня под партой за руку...

В этот момент в класс вбежал запыхавшийся историк, и Василевский отправился на свое место.

— Кошмар! — выдохнула Ирка, оглядывая всю свиту Соболь. Подружки Оксаны по-прежнему тарацились на нашу парту. — Это не прайд... Это гиены, которые в один ужасный день окружают тебя после уроков!

— Господи, Третьякова, отпишись ты от всех этих криминальных пабликов, надоела! — сварливо ответила я.

— Ты знаешь, если что, я тебя в обиду не дам! — продолжила шипеть Ирка, пока мы записывали в тетради сегодняшнее число и тему.

— Ага, спасибо.

— Я столько раз дралась с Данькой и еще одной курице в школьном лагере наkostenяляла...

— Помолчи ты уже, костыль, нас сейчас рассадят, — попросила я. Историк вечно делал нам замечания и грозился посадить Третьякову за первую парту.

Вот он уже повернул голову на Иркин разгоряченный шепот, как вдруг, на мою радость, дверь распахнулась, и в класс бесцеремонно вплыла Амелия Циглер — местный изгой. Она перешла в нашу гимназию в девятом классе да так и не смогла найти себе друзей. Вернее, даже не пыталась. Странная, молчаливая, мрачная... Циглер носила черную одежду и тяжелые ботинки. Даже сейчас, в середине мая, когда в таких бесформенных балахонах можно только упариться. И красилась она тоже ужасно! Жирно обводила подводкой глаза, а губы красила фиолетовой помадой. Если честно, Амелия всегда вселяла в нас с Иркой немой ужас. Вот, кажется, кто мог запросто наkostenялять — так это она, а не Соболь с Иркой. Я лишний раз Циглер в глаза боялась посмотреть, потому что мы жутко друг друга недолюбливали. И на то были свои причины...

— Амелия, вас не учили стучаться? — возмущенно спросил историк.

— Тук-тук, — буркнула Циглер.

В классе раздались неуверенные смешки.

— Кто там? — тут же отозвался Никита Яровой.

— Сто грамм, — подключился Даня.

На задних партах загоготали громче. Лицо бедного историка от злости пошло красными пятнами.

Амелия — сама себе враг. Учится хорошо, а вот дисциплина у нее не то что хромает... Там у дисциплины ампутация на обе ноги. Если б Циглер научилась вовремя приходить на занятия и извиняться, цены бы ей не было.

— Думаю, для вас урок истории на сегодня окончен, не успев начаться, — отрезал побагровевший учитель.

— Какая жалость! — притворно вздохнула Амелия и развернулась обратно к двери.

Ирка чересчур громко ахнула.

— Непробиваемая девица! — шепнула мне на ухо подруга.

— Ага, скорее непробиваемая тупость, — возразила я. Раз в неделю Амелия стабильно устраивала подобные спектакли. Хоть бы раз признала свою вину.

Циглер тем временем уже вышла из класса, демонстративно хлопнув дверью. Историк растерянно оглядел присутствующих. Разумеется, наши с Ирккой разговоры уже казались сущим пустяком по сравнению с поведением Амелии. Поэтому я, не боясь, что нас рассадят, шепнула Ирке:

— Дай запасную ручку.

— А на фигу ты Василевскому свою отдала, кулема? — зашипела Ирка, потянувшись к пеналу.

Я сама не знала ответа на этот вопрос. Кто ж думал, что он воспримет мою шутку всерьез? А вообще порой из-за любви люди готовы на самые нелогичные поступки и самопожертвование. Что уж тут говорить о подаренной ручке с единорогами.

* * *

Иногда я чувствую себя на наших собраниях неуютно. Наша директриса, Лидия Андреевна, слишком выделяет меня среди остальных гимназистов. Конечно, дело может быть в том, что я — президент ученического совета, но скорее тут личные симпатии. И я, если честно, даже не знаю, чем такую любовь заслужила.

— Вера, ты подготовила списки учащихся для образовательного лагеря? — ласково спросила меня Лидия Андреевна, после того как старосты одиннадцатых классов отчитались о подготовке к последнему звонку.

— Да, почти, — негромко ответила я.

В летнюю школу за счет городского бюджета обычно отправляли отличившихся учеников. Путевки считались престижными, но только не среди самих подростков. На деле никто не горел желанием уезжать в образовательный лагерь даже на одну смену. Отличившихся у нас было не так много, поэтому в списке из десяти мест пока было занято лишь одно. И его заняла я. Больше желающих не нашлось. Класс у нас не самый дружный, лишние две недели тусоваться друг с другом, да еще и посещать занятия, казалось всем плохой идеей.

— У меня тоже есть несколько кандидатур из «Б» класса, — заметив мое смятение, проговорила Лидия Андреевна. — Если есть еще места, включи их в список, пожалуйста.

— Ой, да, места еще есть, — пролепетала я.

Мы переглянулись с Василевским и улыбнулись друг другу. Марк знал, что у меня плохо со списком. И я больше всего на свете хотела, чтобы одноклассник помог мне с агитацией в этот чертов образовательный лагерь. А еще лучше — поехал бы туда сам. Тогда я с легкостью набрала бы еще девчонок, мечтавших отправиться за Василевским хоть на край света.

Но Марк своего желания не изъявлял, а спрашивать его об этом я, конечно, стеснялась.

После собрания я первой поднялась с места и быстрым шагом направилась к выходу. Еще не хватало, чтоб директриса решила сейчас уточнить, сколько человек я включила в список. Марк догнал меня уже в коридоре.

— Никто не записывается, да? — спросил он.

— В образовательный лагерь? Ты шутишь? Вместо того чтобы валяться в летние каникулы на диване с планшетом, придется вставать по расписанию, днем снова сидеть на занятиях и ложиться в десять вечера... Да, от желающих отбоя нет.

Я тяжело вздохнула, а Марк рассмеялся. Но не злобно, а по-доброму так. Мой рот тоже расплылся в дурацкой неуверенной улыбке.

— Хочешь, я поеду? — спросил он.

— Серьезно? — усомнилась я, натягивая джинсовую куртку на белую рубашку и школьный вязаный жилет. О том, что Василевский согласится ехать со мной, я могла только мечтать.

— Конечно, серьезно! — откликнулся Марк. — Сама подумай: две недели вдали от родительского присмотра...

Взгляд Василевского сделался мечтательным. Я еще раз с удивлением посмотрела на парня. Это как же должны допечь собственные предки, чтобы в летние ка-

никулы желать умотать из дома на дополнительные занятия.

— Но вообще там должно быть здорово! — принялась я нахваливать лагерь в страхе, что Василевский передумает. — Предметы на выбор: математика, физика, программирование, химия. Я, наверное, английский перед ЕГЭ подтяну. А еще обещали интересные мастер-классы.

Василевский шел рядом со мной и чему-то улыбался. А я не верила своему счастью! Если я заполучила в лагерь Марка, значит, быстро добыю список. Пусть вся наша группа будет состоять лишь из влюбленных в одноклассника девчонок.

— А еще твое присутствие в списке будет вполне заслуженным и не вызовет никаких вопросов у Лидии Андреевны. Все-таки ты — лучший ученик нашей гимназии.

Марк снова польщенно улыбнулся.

На улице солнце припекало уже совсем по-летнему. Высоко в зеленых ветвях лип щебетали птицы.

— Проводить тебя до дома? — спросил Марк.

От неожиданности я смутилась еще больше. И почему-то на ум пришло дурацкое анонимное сообщение, хотя мне казалось, что я ни капельки не испугалась Соболя.

— Нет, не надо, — улыbnулась я. — Тут и провожать нечего. Я живу прямо за гимназией. Здесь же, на улице Мира. Видишь тот высокий серый дом?..

Глава вторая

Наша улица — одна из самых протяженных в городе. На первом этаже длинного девятиэтажного дома, в котором мы живем, находятся старая «Галантерея», магазин «Ткани», большой продуктовый и отделение почты.

Когда-то здесь росли могучие старые тополя, но лет пять назад их безжалостно вырубili, чтобы расширить проезжую часть. Остались о тех высоких деревьях лишь воспоминания. Мне нравилось, как в начале июня пух медленно опускался на нашу улицу. Без тополей она мне кажется голой.

Зато двор большой и очень зеленый. Заворачивая за угол дома, можно решить, что ты попал в другой мир. Красивые клумбы, много деревьев, веселое воробьиное чириканье в ветвях. По поручению местного депутата недавно посреди двора установили новый детский комплекс с яркими горками, турниками, большой песочницей. А чуть поодаль — тот городок, где когда-то играли мы. От него остались лишь покосившаяся железная горка да деревянный двухэтажный замок. В детстве он казался таким огромным и нарядным. В нулевых по вечерам, когда мы с друзьями уже расходились по домам, там собиралась молодежь. Парни расписывали стены, пили пиво и бросали на пол окурки. Сейчас замок стоял

заброшенным на отшибе двора. Те, кто когда-то вечерами там тусовался, уже выросли, а современных детей замок с облезлой краской не прельщал. Да и кто пойдет в него играть, когда рядом есть новый и интересный городок?

После собрания я отправилась к Третьяковым. Мы из одного подъезда, только я с седьмого этажа, а Даня и Ирка — с девятого.

Лифт не работал. Чертыхаясь, я направилась к лестнице. Прошла мимо своей квартиры и поднялась выше. А для чего заходить домой, если там меня никто не ждет? Зато Ирка тут же распахнула дверь и пропустила в коридор.

— Тебя с твоего собрания дождешься, с голоду помереть можно, — бурчала подруга, пока я расшнуровывала кеды.

— Так поела бы.

— Ага, чтобы ты потом развопилась? — хмыкнула Ирка. Я тактично промолчала о том, что из нас двоих вопит обычно одна только Третьякова. Ира взяла меня за руку и потянула за собой на кухню. — И чего вы там так долго решаете?

— Одиннадцатиклассники много времени занимают, — вздохнула я, по пути заглядывая в другие комнаты. — У них экзамены, последний звонок на носу... А Даня где?

— Даня бросил вещи у порога и умотал на улицу, — проворчала Ира. — Как ты о его барахло не споткнулась? Сказал, в «Маке», если что, перекусит. Он, видите ли, в кино с какой-то девчонкой идет. Мама его убьет, Даня нормальную еду вообще не ест. А она готовит для нас, между прочим!

— Зато я у вас ем, — сказала я.

— Ага! Не пропадать же продуктам.

У меня дома в холодильнике шаром покати. Готовить для меня некому, а самой не хочется. Да и не особо получается, если честно. Пару раз в неделю к нам заглядывает Софья Николаевна, папина дальняя родственница. Она обычно и готовит нам горячее. Правда, с приходом дачного сезона тетя Соня стала приходить все реже. Поэтому я захаживала к Третьяковым или покупала что-нибудь из той же «ненормальной еды», что и Даня.

— Та-ак, — протянула Ирка, звякнув крышкой от кастрюли. — Мама оставила нам котлеты с подливой и пюре.

— Котлеты какие?

— Куриные. Сейчас подогрею, жди.

Мы с Иркой вытащили на просторную солнечную лоджию небольшой садовый столик. Принесли тарелки и две кружки ледяного компота из сухофруктов. Ирка распахнула стеклянные створки, и мы уселись с ногами на пластмассовые зеленые стулья. Ирка водрузила на нос солнечные очки и потянулась вилкой за куриной котлетой.

— Составила свой список?

Я лишь покачала головой. Прожевав, спросила:

— Ты-то поедешь?

— Куда? В лагерь?

— Ну.

Ира задумалась.

— Если б там не было занятий...

— Ну это ж образовательный лагерь. Поощрение самых лучших учеников путевкой.

— Лучших? — Ирка хмыкнула. — Я вообще-то троечница. Ой, погоди!

Ира поднялась из-за стола и убежала обратно на кухню. Вернулась с тарелкой с соленьями.

— Мама вчера банку прошлогоднюю открыла. Угощайся.

— Ну и что, что ты троечница. Зато у тебя активная жизненная позиция, — продолжила я, громко хрустя соленым огурцом. Очень уж мне хотелось, чтобы Ира поехала со мной.

— Вадик не поймет, если я на лето куда-нибудь умо-таю, — засомневалась подруга.

— На лето? Всего две недели! И какая ему разница? — возмутилась я. — Он все равно в армии!

Иркин парень, Вадик, почему-то все время меня раздражал. Ира постоянно перед ним лебезила и без его разрешения никогда ничего не делала. Они познакомились два года назад в Турции, где с семьями отдохали в одном отеле. Вадик жил на другом конце города, и виделись мы с ним, к счастью, нечасто. А этой весной ушел в армию, но и оттуда указывал Третьяковой, что делать.

Ирка молча уплетала пюре с котлетами. Солнечные очки съехали на кончик носа. На лоджии так припекало, что мы с Третьяковой будто расселись на пляже.

— Скажи своему Вадику, что там занятия с десяти до четырех с перерывом на обед. Физика, химия, иностранные языки...

— Все так страшно? — воскликнула Ирка.

— Ну и дискотеки, само собой! Развлекательная программа, речка... — испуганно залепетала я. Казалось, Ирка вот-вот вздумает отказаться от поездки. — Кстати, угадай, кто изъявил желание поехать с нами?

— Не знаю, — равнодушно пожала плечами Ира. Ее мой список вообще мало волновал, и спросила она о нем из вежливости. Потому что помимо школьных дел со мной и обсудить-то было особо нечего. В моей личной жизни был полный штиль. — Кто?

— Василевский!

— Да ладно? — Ирка стянула очки и отодвинула от себя тарелку. — Он точно в тебя втюхался!

— Ну да, с чего бы?

— Ехать в какой-то дурацкий лагерь... Только если за тобой!

— Ага, Василевский — жена декабриста, — усмехнулась я. — Скажешь тоже.

— Всё! Я еду! — воодушевилась Ирка. — Я должна это видеть!

— Видеть что?

— Ваше соединение!

— Сумасшедшая!

Мы синхронно схватили кружки с холодным компотом и принялись его жадно пить.

— Мама котлеты пересолила, — проговорила Ира, ставя обратно на стол пустую кружку. Вытерла ладонью рот.

— Вкусные, — возразила я.

После обеда мы отправились в Данину комнату и включили приставку. Иркин брат не разрешал нам без спроса рубиться в FIFA, но мы всякий раз, когда его не было дома, нарушали запрет, а потом заматали следы — ставили все на место. Конечно, может, Даня и замечал, что мы хозяйничаем в его комнате, но никогда об этом с нами не заговаривал. Да и в его жилище царил такой бардак, что вряд ли здесь можно было заметить следы «чужаков». Вот и сейчас мы сидели на кровати рядом с кучей чистой одежды.

— Попросила же его разобрать свое шмотье, которое я принесла с сушилки! — сердито проговорила Ирка.

В комнате стоял запах чистого белья и мужской туалетной воды.

— А надушился-то, герой-любовник!

Поиграв в приставку, я засобиралась домой. Отец обещал прийти сегодня пораньше и о чем-то серьезно поговорить со мной.

— Как думаешь, что он хочет тебе сказать? — спросила Ирка, пока я обувалась. Подруга стояла, привалившись спиной к дверному косяку.

— Не знаю, может, к маме отправить хочет?

— На другой конец света? — ахнула Ира. — Не пущу! А мне что делать летом? Вадик уехал, ты уедешь...

— погоди, эгоистка, это всего лишь мои предположения. Я, кажется, маме вообще не сдалась. Мы в последний раз в марте говорили, так что не дрейфь!

Дома я быстро расправилась с уроками и улеглась на кровать с ноутбуком. Загрузила сериал. В большой трехкомнатной квартире по вечерам я чувствовала себя немного неуютно. Не сразу услышала, как открылась входная дверь.

— Вера, ты поужинала? — выкрикнул папа из коридора.

— Ага, — отозвалась я, не вставая с кровати.

Отец вошел в комнату. Я отодвинула от себя ноутбук и приготовилась к серьезному разговору.

Папа выглядел растерянным. Не так часто он приходил ко мне для серьезного разговора. Вообще мы с ним редко пересекались дома. Отец либо пропадал на работе, либо встречался с друзьями. Было интересно, на какую тему он решил со мной поговорить. Наверняка дело в маме. Она уехала от нас в Мексику пару лет назад. Влюбленная в климат, национальный колорит и мексиканца, с которым познакомилась по переписке. Новоявленный жених был младше мамы на целых восемь лет.

— Я хотел пиццу заказать, — сказал наконец отец.

— Я возьму кусочек, — кивнула я. — Если сырную...

Да, это и есть серьезный разговор? Я едва сдержала смехок.

— Вера, я должен тебя кое с кем познакомить! — все-таки огорошил меня родитель.

А вот теперь сердце тревожно заколотилось.

— С кем это? — настороженно спросила я.

Наверняка за те два года, что мама не жила с нами, у папы были какие-то любовные интрижки, но он никогда не спешил рассказывать мне о них.

— Она тебе понравится, — «обрадовал» папа. — У вас много общего.

Что он имеет в виду? Что у меня может быть общего с какой-то взрослой незнакомой женщиной?

— Ну не смотри на меня так, Вера! — почему-то рассердился отец. — Ужин будет в эту пятницу. Вместе выберемся куда-нибудь. Согласна?

Я растерянно кивнула. Будто моего мнения кто-то спрашивает. Обычно лишь ставят перед фактом.

— Вот и отличненько, — выдохнул отец, выходя из комнаты.

Я закрыла ноутбук. Смотреть сериал сразу расхотелось. Слышала, как папа ходит по квартире, как скрипит паркет под его ногами, как негромко работает в соседней комнате телевизор. Потом телевизор смолк. Отец с кем-то говорил по телефону. Думала, он заказывает для нас пиццу, но тут из приоткрытой двери до меня донесся обеспокоенный голос:

— До утра это не терпит? Сильно затопило? Погоди, Катя, не истери! Сейчас приеду.

Я быстро поднялась с кровати и выбежала в коридор. Отец уже поспешно натягивал светлый модный плащ.

— Ты куда? Ты ведь совсем недавно пришел!
А пицца?

— Вера, мне нужно ненадолго отлучиться, скоро вернусь.

— Кто звонил?

— У моей знакомой возникли неприятности.

— Это у той, с которой у меня много общего?

Отец медленно застегивал пуговицы на плаще и смотрел на меня. Растерянный, напуганный, будто провинившийся мальчишка, которого застали за совершением какой-нибудь пакости.

— Я не могу между вами разорваться, — наконец сказал он. — Но дело правда серьезное.

Будто я просила его разрываться между мной и кем-то еще... Но все-таки обиженным голосом произнесла:

— Ты почти дома не бываешь. Я всегда одна! За окном уже темно.

Отец не умел проявлять любовь, но все-таки подошел ко мне и неуклюже приобнял. Иногда мне казалось, что он сам в шоке от того, что у него такая взрослая дочь. Вряд ли мои мама и папа вообще планировали стать родителями так рано. Я появилась в жизни отца, когда ему едва исполнилось девятнадцать лет.

— Вера, ты умница. Обязательно найдешь, чем себя занять дома.

— Угу, — проворчала я, вдыхая горький аромат мужского одеколona.

Отец выпустил меня из объятий, рассеянно чмокнул в макушку, схватил со шкафчика ключи от машины и, по привычке щелкнув по выключателю, выскочил в подъезд. А я осталась одна посреди темного коридора. Только из моей комнаты сквозь дверную щель проглядывал свет. А из открытого на кухне окна доносился шорох машин.

Я так и простояла где-то с минуту, решая, существенно ли теперь изменится моя жизнь. Уже в эту пятницу отец меня «кое с кем» познакомит. А если она стерва? А если решит переехать сюда?..

В задумчивости не сразу расслышала, как завибрировал телефон. Бросилась в спальню, чтобы успеть ответить. Снова беспокоил неизвестный номер.

Я решила сбросить вызов. Зачем Соболь звонит так поздно? В том, что это она, я ни капли не сомневалась.

Телефон снова загудел. Тогда я все-таки приняла вызов и прислушалась. Сначала раздалось невнятное шепуршание, а затем кто-то тяжело вздохнул.

— Алло? Кто это?

Послышался странный щелчок, и в трубке заиграл траурный марш Шопена. Запись шипела и кряхтела, будто звучала со старой пластинки.

— Какая же ты дура! — проговорила я в трубку и отключилась.

Оксана давно с головой не дружит. И Ирка была права: это именно Соболь выжила из нашей школы беднягу Наташу. Испорченная косметичка и заточение в душе — это еще не самое страшное. Третьякова не в курсе, что Соболь вместе с какими-то девицами не из нашей гимназии подкараулила Сухопарову после уроков и пригрозила распустить самые грязные выдуманные слухи о Наташе и Кузе, если та от Макса не отстанет. Но Сухопарова — тихая девчонка. Конечно, она испугалась. А вот я себя в обиду не дам, пусть только попробуют сделать что-то подобное.

Телефон снова завибрировал. На сей раз на экране высветился номер Ирки.

— Я поговорила с мамой по поводу лагеря! — выпалила подруга.

— Класс! — не сразу отозвалась я, все еще обдумывая дурацкие поступки Соболя. — Отпустят тебя?

— В том-то и беда... — замялась Ирка.

— Что такое?

— Без Даньки меня мама в лагерь не отпустит.

— Бли-ин, — протянула я. — Ир, серьезно? Ну вы же не сиамские близнецы!

— Я знаю! — возмущенно запыхтела на том конце провода подруга. — Ты маме моей это объясни! С тех пор как у меня в начальной школе телефон за домом отобрали, она заставляет Даню со мной везде таскаться. Ладно, эти два года Вадим рядом был, а теперь?

— Ты едешь в образовательный лагерь, а не на рейв, — сказала я.

— Моя мама так не думает, — хмыкнула Ирка. — У нее совсем другие представления о лагерях, в которых тусуются подростки.

Мы обе помолчали. Я подошла к окну и задернула занавески. Все-таки дуре Соболя удалось выбить меня из колеи. До сих пор в ушах звучала «хрустящая пластинка». Еще и папа уехал. На всякий случай я прошлась по пустой квартире и включила везде свет.

— Но Даня никогда не согласится провести две недели в лагере вместо нормальных каникул, — вздохнула я. — Хотя мне бы не помешал лишний человек для списка.

— Ладно, я что-нибудь придумаю! — бодрым голосом пообещала Ирка. — Утро вечера мудренее. Ложись спать!

И Ирка придумала. Лучше бы вовсе не сообщала мне о своем дурацком плане. Но об этом я узнала на следующий день, а пока, умывшись, с тяжелым сердцем отправилась в постель. Засыпать пришлось при свете. Окно

было открыто, и ветер колыхал легкие занавески. Где-то далеко завизжали тормоза, раздался пронзительный девичий крик, а затем снова наступила тишина. Провалиться в сон мешало непроходящее чувство тянущей тоски и тревоги, когда от волнения скручивает живот. Конечно, это не было связано со звонком Оксаны. Скорее перед сном все мои мысли витали вокруг отца и той таинственной Кати, у которой случился потоп. А еще у нас с ней, оказывается, так много общего.

* * *

Мы с Ирой выбрали в столовой самый дальний стол, который пользовался популярностью у влюбленных парочек. Стоял он у окна в окружении кадучек с цветами. Сейчас стол был свободен, а нам с Третьяковой предстояло в тишине обсудить важное дело — поездку в летнюю школу.

— Итак, в твоем списке есть Марк, — начала Ира.

— Ага.

— Раз есть Марк, значит, подключилась и Соболь...

— Ой, не напоминай! — расстроено покачала я головой. Оксана, прознав про Василевского, подошла ко мне перед первым уроком и попросила включить ее в список. При этом вела себя как обычно. Я, не имея пока никаких доказательств ее вины, тоже о вчерашнем звонке промолчала.

— Вообще-то Соболь без троек учится, — задумчиво проговорила Ирка. — И на городском конкурсе красоты какую-то номинацию завоевала. В общем, здесь она вполне заслуженно.

Я вздохнула. Мало мне этой ревнивой чокнутой в городе, так она еще и в лагерь собралась.

— Ты же знаешь: где Соболев, там и придурочный Макс Кузьменко, — проворчала я, вписывая фамилию одноклассника. — Он же у нас капитан школьной баскетбольной команды. Защищает честь школы на всевозможных соревнованиях. Значит, Лидия Андреевна и его кандидатуру одобрит.

— Да уж! — покачала головой Ирка. Мы глянули на список. Кроме Василевского, в нем никто не радовал.

— Ой, погоди, — вспомнила я и полезла в карман рюкзака. — Мне ж директриса еще три фамилии карандашом вписала. Для списка. Кто-то из «Б» класса.

Я развернула лист бумаги, Ирка, вытянув шею, заглянула в список. Потом сердито сказала:

— Ну, Селезнева — понятно. Она у них отличница. Но Диана Руднева? Это что, шутка такая? Зачем эту тупицу включили в список? Она хуже меня учится!

— Ну вообще Диана ездила на первенство города по танцевальному спорту. И на школьных концертах всегда выступает...

— Ага, задницей крутит на Восьмое марта под Монатика! — перебила Ирка.

У них с Дианой были давние терки. Когда-то мы втроем очень тесно дружили, но затем Руднева предпочла компанию Оксаны.

— Веселенькая поездочка намечается, — хмыкнула я. Затем зачитала вторую фамилию: — А как тебе Люсьена Антоненко?

— Против Люси ничего не имею, но эту тихоню за какие заслуги взяли?

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — Мы ж с тобой не знаем, как она учится. Ты разговаривала с ней хоть раз?

Ирка равнодушно пожала плечами:

— Нет. О чем? Ни с ней, ни с Селезневой... — Третьякова снова взглянула на список. — Ну и составчик. Убойный.

— Золотой, — согласилась я.

— Нам для полного комплекта только Мэрилина Мэнсона не хватает.

— Какого еще Мэрилина Мэнсона? — не поняла я.

Тогда Ирка молча кивнула в сторону соседнего стола, за которым в одиночестве обедала Амелия Циглер. Я задумчиво уставилась на одноклассницу. Тогда Амелия вдруг резко подняла на меня глаза и угрожающе сдвинула брови.

— Не поняла, какие-то проблемы? — спросила она у нас.

— Никаких проблем! — хором ответили мы с Иркой и синхронно опустили головы обратно к списку.

Чуть позже Третьякова поднялась со стула и передвинула пару кадучек с цветами, отгородив нас от Циглер и остальных.

— Я ее боюсь, — сказала Ирка. — Слышала, что Амелия живет с бабкой, а та — настоящая ведьма.

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнула я, продолжая осторожно поглядывать сквозь листву на странную одноклассницу.

— По-любому она знает какое-нибудь заклинание, — продолжила Ира. — Кидает в котел свой черный волос, паучью лапку... И кроликов в жертву приносит.

— Да ну тебя! — рассмеялась я.

— Нет, правда! Она дурная какая-то. Ей нравится пугать людей. Не хотелось бы мне оказаться с Циглер в одном лагере.

— Если честно, — неуверенно начала я, — Лидия Андреевна предлагала кандидатуру Амелии. На городской

олимпиаде по физике она заняла второе место, уступив полбалла Яровому.

— Ужас! — ахнула Ирка. — Тогда нам нужно скорее укомплектовывать список, чтобы этой сумасшедшей места не досталось. Хотя вряд ли она оставит дома своих пауков и летучих мышей. И, кстати, о Яровом...

Подруга замялась. Я настороженно уставилась на Третьякову.

— Что такое?

— Я придумала, как можно Даню в лагерь затащить. Раз уж Яровой отличился на олимпиаде... И он, кстати, тоже в составе баскетбольной команды.

— Нет, — замотала я головой. — Нет, я не буду включать Никиту в список!

— Но ты же знаешь, где Яровой, там и наш Даня. Поговори с Никитой!

— Да мы столько времени нормально не общались, — почему-то смутилась я.

— Вот именно, что уже два года прошло. Хватит на него дуться!

Я принялась нервно выводить странные каракули рядом со списком, а Ирка озадаченно за мной наблюдала. В столовую врывались солнечные лучи, и по раскрытой тетради и моим рукам расползлись тени от цветов.

— Почему вы все такие сложные? — наконец рассердилась я. — Один поедет лишь за своим лучшим другом, у другой гормоны скачут, за смазливym парнем на край света готова! Кузя еще этот... тоже озабоченный! Почему нельзя просто поехать и как следует отдохнуть?

— В образовательном лагере? — захохотала Ирка. — Это может прельстить только таких чокнутых, как ты и Василевский. Слушай, а может, и у него гормоны шалют, и он все-таки из-за тебя?..

— Ш-ш! — испугалась я. — Тише!

Тем более что цветы как-то странно зашевелились.

— Не хочешь поболтать с Яровым — пожалуйста! — продолжила громко Ира. Она вечно разговаривает на повышенных тонах, особо не беспокоясь, что о ней подумают. Сколько раз нас рассаживали на уроках из-за Иркиной болтовни. — Но тогда Даня не поедет. И я не поеду. Будешь в лагере с Амелией тусоваться у ритуального костра!

— Какого еще ритуального костра?

— Куда она принесет в жертву...

Ирка не договорила. Цветок вдруг заходил ходуном, и Третьякова вскрикнула.

— Хай! — появился довольный Даня. — Вы че тут шушукаетесь?

Парень уселся на один из стульев и оглядел кадучки с цветами, которые расставила вокруг нас Ирка.

— У-у, как тут уютненько! Так что за тема для обсуждения сегодня на лобном месте?

— Поедешь в образовательный лагерь? — спросила я.

— Это в тот, где по четыре часа в день занимаются алгеброй и физикой?

— Ну да...

Даня громко рассмеялся. Вообще, как я уже говорила, Третьяковы довольно шумные ребята. И я так полагаю, мать решила отправить их в лагерь вместе, чтобы отдохнуть от детей хотя бы две недели.

— Смешная шутка, Верочка!

— Зря ржешь! — вступилась за меня Ира. — Там, между прочим, речка, свежий воздух, развлекательная программа...

— Какая? — Даня изобразил заинтересованность. — Пионербол? Дискотеки? Мне двенадцать лет, что ли?

— Ну-у, все понятно, — разочарованно протянула я.

Тогда Даня кивнул на список:

— Ладно, по старой дружбе даю тебе один шанс. Кто еще едет?

— Я, Ира, Василевский...

На Василевском Даня скривился в странной гримасе.

— Диана Руднева... — продолжила перечислять я.

Тут Ирка презрительно скорчилась.

— Знаете, да ну вас всех! — снова рассердилась я, хватая со стула свои вещи. — Друзья, называется! Вообще откажусь от этого лагеря. Пусть Лидия Андреевна сама составляет список. Им такую возможность предоставляют, а они!..

— Вер, да ладно тебе, ты чего? — смутилась Ирка.

Даня тоже растерянно захлопал ресницами.

— Азарова, угомонись!

Я вылезла из зарослей. Амелия сидела за столом и, подперев голову рукой, читала какую-то книгу. Если честно, вдруг стало жутко интересно, что может увлечь необычную Циглер, наверняка какая-нибудь чернуха. Но книга была завернута в бумажную черную обложку, что еще больше подогревало мое любопытство. Странная она, конечно. Почувствовав мой взгляд, Амелия подняла голову и снова сердито посмотрела на меня. Я отвернулась и понеслась к выходу.

Выбежав на крыльцо, обнаружила Никиту Ярового. Тот сидел на перилах и играл в какую-то игрушку на телефоне. Легкий ветер трепал его русые взлохмаченные волосы, а вид у одноклассника был таким серьезным и сосредоточенным, будто он по меньшей мере участвует в мировых соревнованиях. Я не смогла сдержать улыбку. Когда парень вдруг резко оторвался от игры и посмотрел на меня, я тут же сделала серьезный вид и даже

Там, где живет любовь

нахмурилась. Никита скользнул по мне равнодушным взглядом и снова уткнулся в телефон. А ведь когда-то все было совершенно по-другому. Не помню ни единого дня, который бы мы провели не вместе.

Я еще некоторое время сосредоточенно разглядывала профиль парня, думая, как дальше поступить. Уйти домой или попытаться счастья и пригласить в лагерь Яровой? Конечно, это пустая трата времени, он ни за что не согласится поехать, а я только снова унижусь перед ним.

И все-таки я сделала пару шагов и остановилась рядом с парнем. Ни один мускул не дрогнул на лице Никиты. Яровой продолжил быстро водить большими пальцами по сенсорному экрану. Я театрально откашлялась.

— Азарова, у тебя какое-то дело ко мне? — спросил наконец Никита.

— Ну да...

— Я занят.

Если он решил, что я уйду, поджав хвост, то не на ту попал. Я подошла к высоким перилам и попыталась усестся рядом с парнем. Кое-как взгромоздилась. Тяжелый школьный рюкзак с книгами и физкультурной формой едва не перевесил, и я чуть не улетела спиной вниз, но Никита, быстро убрав телефон в карман флисовой толстовки, успел меня подхватить.

— Спасибо, — смутилась я.

Из кармана Никиты заиграла какая-то трагичная, устрашающая мелодия.

— Если что, я из-за тебя последний уровень слил, — сказал парень, продолжая удерживать меня. — И если это твое дело того не стоит...

Глава третья

— Поздравляю с первым местом по физике! — торжественно сказала я.

Решила начать издалека. Никита удивленно на меня уставился. Я даже забыла, когда в последний раз смотрела в его серые, как туманное утро, глаза.

— Спасибо, конечно, но олимпиада была еще в феврале, — ответил Яровой.

— Лучше поздно, чем никогда, — пробормотала я. — Может, ты меня отпустишь? Я больше не падаю.

Со стороны вообще могло показаться, что мы сидим с Никитой в обнимку. Еще кто из учителей увидит. Это Соболь может лобызаться в школьном коридоре с Кузей, я себе таких вольностей не позволяю.

Яровой усмехнулся и убрал руки. Снова достал из кармана телефон. Музыка с трагичной сменилась на бодрую.

Я молча наблюдала, как Никита загрузил игру. По школьному двору, поднимая столбом пыль, загулял ветер. Тогда одноклассник натянул на голову черный капюшон.

— А еще ваша баскетбольная команда здорово на областных соревнованиях выступила. Какие вы молодцы!

— Вера, что тебе от меня надо? — не отрываясь от телефона, спросил Никита. Не с раздражением, а с какой-то взрослой усталостью, будто я несмышленный ребенок, который день и ночь допекает его, такого взросленького.

— Поедешь в летнюю школу? — спросила я. — Я тут список сейчас составляю... Если ты поедешь, Даня Третьяков тоже.

Никита снова усмехнулся и ничего не ответил. Терпеть не могу в нем эту привычку. Он может запросто проигнорировать неудобный ему вопрос, оставив собеседника без ответа. Просто сделать вид, что ему это неинтересно, и все. Порой с ним совершенно невозможно нормально разговаривать!

— Что скажешь? — спросила я после некоторой паузы. От меня тоже просто так не отделаться. Отец вечно твердит, что нет на этом свете никого упрямее меня.

— Нет.

— Ты даже не подумал! Подумай!

— Хорошо, подумаю, — согласился Никита.

Я выдохнула с облегчением. Но Яровой тут же произнес:

— Подумал.

— Уже? И как?

— Нет.

— Ты невозможный человек! — взорвалась я, поспешно слезая с перил. Хотела добавить: «Вот поэтому я с тобой уже два года не общаюсь!» Но промолчала. Ни к чему бередить прошлые обиды, буду выше этого.

— Почему я вообще должен ехать в этот лагерь? — спросил Никита. Видимо, в игре был какой-то ответственный момент, потому как парень снова нахмурился и даже нижнюю губу закусил.

— Потому что Лидия Андреевна туда отправляет самых достойных учеников. А ты — достойный, — пришлось признать мне. — Но все-таки придурок.

— Достойный придурок? — хрипловато рассмеялся Никита. — Спасибо, Верона, я польщен.

Внезапно парень убрал телефон в карман и тоже спрыгнул с перил.

— Опять проиграл из-за тебя. Ходишь, отвлекаешь тут...

Мы оба спустились с крыльца и отправились в сторону ворот. Стоило ли говорить, что мы с Никитой живем в одном дворе? Поверить не могу, столько времени я и Яровой не возвращались домой вместе. Из-за этого дурацкого лагеря мне пришлось поступиться своими принципами и первой с ним заговорить.

— Вообще ты зря отказываешься, — начала я, поглядывая на Никиту снизу вверх. Кажется, за то время, что мы не общались, он стал еще выше. Теперь я едва доставала ему до плеча. — Лагерь в старом красивом пансионате, на берегу большого озера.

— Вера, я похож на пенсионерку, которая жаждет отдыхать в пансионате?

— Совсем не похож, — сказала я.

— Тогда чего ты ко мне привязалась?

— Просто мне Лидия Андреевна поручила составить список, — упрямо повторила я.

— Что ты все носишься со своей общественной деятельностью? Неужели тебе это все действительно интересно?

Я молча проводила взглядом проплывающий мимо нас переполненный троллейбус. Глубоко вдохнула свежий майский ветер. Что ответить Никите? Не признаешься же, что для меня то, что остальные считают ску-

кой и несусветной глупостью, действительно важно. Мне не хотелось расстраивать нашу директрису. Это странно, когда чужая женщина искренне волнуется за тебя и радуется твоим успехам больше, чем родная мама. Странно, но все-таки приятно.

— Да, мне это интересно, — вспыхнув, наконец ответила я. — И вообще, список уже утвержден, и ты в нем, Яровой, есть! Так что, если какие-то проблемы, сам иди к Лидии Андреевне и из него выписывайся, ясно?

— Ты серьезно? — Никита даже на несколько секунд остановился.

— Еще как серьезно, — буркнула я.

До двора мы добрались, не проронив ни слова. Я шла быстрым шагом, чтобы оторваться от одноклассника, но тот, будто нарочно, подстраивался под мой темп.

Когда свернула к своему подъезду, Яровой выкрикнул:

— Верона, ты не могла так со мной поступить! За что?

Я развернулась и лишь развела руками.

— Думал, мы с тобой друзья навек, — продолжил Никита. Стянул с головы капюшон, и ветер снова принялся трепать его русые волосы. Руки в карманах, насмешливый взгляд... Друзья навек? Это он издевается, наверное. Нет давно никакой дружбы. Взяла и утонула в глубокой мутной луже... — Раньше ты меня выручала. Надеялся, что все осталось по-прежнему.

— Меня по-прежнему от тебя тошнит, — сказала я.

Никита, как обычно, проигнорировал то, что ему не нравилось. Помахал мне рукой на прощание и послал воздушный поцелуй. Я в ответ лишь покачала головой и молча зашла в подъезд.

Из-за ссоры в столовой обед у Третьяковых сегодня отпадал, поэтому, разувшись, мне первым делом пришлось тащиться на кухню и исследовать полупустой холодильник. Ветчина, сыр, маслины... На столе — початая бутылка вина. Отец вчера поздно вернулся от неизвестной Кати, разговор с которой я подслушала, и принес с собой красное вино. Интересно. Утром я, как ревнивая жена, исследовала брошенную на стул мужскую рубашку. От нее пахло сладкими пионами, и почему-то в ту секунду я решила, что отныне ненавижу эти цветы.

А хлеба нет. Придется идти в магазин. Софья Николаевна укатила на дачу и придет только на следующей неделе. Поэтому пока буду перебиваться бутербродами с чаем.

Вернувшись из магазина, взялась за «готовку». Нарезала хлеб, ветчину. Распечатала плитку молочного шоколада. В квартире было так тихо, что я снова вернулась мыслями к вчерашнему звонку Соболев. Сегодня на уроках Оксана делала вид, будто ничего не произошло. Может, потому, что Марк не обращал на меня внимания? Зато на большой перемене Василевский охотно болтал со Смирновой и Симоновой, и Оксана тотчас же переключила свое внимание на них. Сумасшедшая. Чую, в лагере я с ними не заскучаю.

Жуя бутерброд, я отправилась в свою комнату, за ноутбук. Стряхнула с клавиатуры крошки, включила его, зашла в «ВК» и с удивлением обнаружила сообщение от Рудневой. Поссорившись с нами еще в восьмом классе, она мне ни разу не писала. Мы и в гимназии-то с ней лишь изредка здоровались в коридоре. А вот Ирка вообще включила полный игнор.

«Привет! Класнуха сказала, что меня в какой-то список записали. Ты за это ответственная?»

Отлично. Еще одна решила съехать с темы. Я, уже решив, что больше не буду составлять никаких списков, собиралась написать, чтобы Руднева не беспокоилась. Насильно никого везти не будут. Но не успела напечатать ответ, как Ди прислала следующее сообщение:

«Скажи, плиз, кто еще поедет? Для меня это очень важно!»

Рассказать ей про Ирку? Тогда пропадет хоть прозрачная надежда на то, что Диана тоже будет в моем списке. Третьякова ж ей в волосы вцепится в случае чего. Тогда я написала:

«Из нашего класса точно едут Соболь и Василевский».

«Тогда я тоже еду!» — тут же настрочила Руднева.

Ну, все ясно... Диана собралась в лагерь вслед за своей подружкой Соболь. Когда-то Руднева дружила со мной, Ирой, Даней и Никитой. Можно сказать, что впятером мы были неразлейвода. Только за одно лето Ди стала совершенно другой. Начала болтать о популярности и почему-то высмеивать наши с Иркой интересы. А с нового учебного года вдруг очутилась в компании Соболь. Хотя Диана училась в параллельном «Б» классе, на переменах частенько заглядывала к нам, только теперь направлялась к парте, за которой сидела Оксана. Руднева во всем копировала Соболь. И даже носила такие же яркие фенечки, как Соболиха. А в нашем дворе Диана больше не гуляла. Если мы с ней где-то и пересекались, то в кинотеатре, куда она приходила с Оксаной и ее шумными друзьями. Внезапно мы с Иркой стали для Дианы непопулярными и неинтересными. Третьякова расценила это как предательство и до сих пор даже не здоровалась с Дианой. Я же восприняла наш разлад

спокойней, как само собой разумеющееся. Уже привыкла, что близкие люди могут так просто уходить из моей жизни.

Звонок в дверь раздался резко и неожиданно. Я надеялась, это нарисовалась Ирка с новостью о том, что Даня все-таки принял мое предложение. Но на пороге стояла Софья Николаевна с двумя тяжелыми пакетами.

— Думала, вы на даче, — растерянно проговорила я, пропуская ее в квартиру.

— Планы поменялись, — сообщила Софья Николаевна, сразу же направившись на кухню. Звякнув кастрюлями, принялась выкладывать содержимое пакетов на стол. — К внукам в город вернулась присматривать. Зять с дочкой на десять дней в Турцию летят по горячей путевке. Буду у них пока жить, а у вас, получается, еще не скоро появлюсь. Справитесь?

— Справимся, — пообещала я. — Не маленькие.

Софья Николаевна посмотрела на меня и усмехнулась.

— Здесь плов, здесь редис для салата... А тут пирог с грушей. Отец эти дни как? В настроении?

— Угу, очень даже.

Почему-то я не стала рассказывать тете Соне о предстоящем ужине с новой пассией папы.

— Ну и замечательно! Надеюсь, за то время, что меня не будет, обойдетесь без происшествий.

В тот момент я была уверена, что все будет хорошо, но судьба приготовила для нас свои сюрпризы.

Софья Николаевна неодобрительно посмотрела на бутылку вина, а открыв холодильник, цокнула языком.

— Ребенок, ты снова на одних бутербродах? — не строго спросила она.

— Подумаешь. Они вкусные!

- Садись за стол, плов подогрею.
- Да я только бутик доела, — вяло запротестовала я.
- Садись-садись. Живо!

Пришлось подчиниться. Я делала недовольное лицо, мол, совсем не голодна, а меня заставляют есть, как маленькую... Но у самой от уютного звяканья посуды и ароматных запахов поселилось в душе счастье.

Завершив дела по дому, Софья Николаевна убежала к внукам. Я позвонила Ирке, но у Третьяковых в этот вечер были гости, поэтому мы с подругой толком не общались. Сделав на завтра уроки, я завалилась на кровать с книгой.

Папа вернулся позже обычного. Я слышала, как гремел замок в прихожей. Думала, отец, по привычке, сразу направится в душ, но он первым делом заглянул ко мне. В комнату тут же проник запах дорогого парфюма и алкоголя.

- Как дела? — спросил отец.
- Нормально, — ответила я. — Что сегодня отмечал?

— У нас новый заграничный партнер, — похвастался папа. Его глаза блестели. — Я в июне в Италию улетаю, Вера. Поживешь одна?

— Я сама на две недели в лагерь уезжаю, забыл? — буркнула я.

— В лагерь? — озадачился отец. А ведь я ему сто раз об этом говорила. И не удивилась бы, если б он сейчас спросил: «А вообще, сколько тебе лет, Вера?»

— Да, в лагерь. Дали путевку за хорошую успеваемость, — как маленькому, терпеливо принялась объяснять ему я. — Еду за счет гимназии.

— Так ты у меня молодец, отличница, — широко улыбнулся папа. Когда он так улыбался, то казался еще

моложе. В такие моменты был похож на студента, одолжившего у отца костюм и галстук, которые ему, впрочем, шли.

— Спасибо, папа, — кивнула я, возвращаясь к книге. Попутно взглянула на наручные часы. Было уже поздно, но никто никогда не гнал меня в постель. Не напоминал, что завтра в школу, не спрашивал, сделала ли я уроки... Порой мне было дико слышать от Ирки, что их с Даней за что-то собирается наказать отец. Я бы, наоборот, с радостью наказала своего папу. Оставила бы его под домашним арестом, чтобы он, например, не задерживался по вечерам в баре с друзьями или не знакомился со всякими девицами легкого поведения.

— Катерина за тобой, если что, присмотрит.

— Катерина? — удивилась я.

— Ты забыла про завтра? Мы идем в ресторан. Втроем. Не сюда же ее приглашать...

Отец растерянно оглядел нашу квартиру.

— Если только ты захочешь что-то нам приготовить, — немного смущенно добавил он.

— Сам готовь! — грубо ответила я. — Для своей Кати.

— Та-ак, — протянул отец. — Кажется, уже что-то намечается.

Я уставилась в раскрытую книгу, но не могла прочитать ни строчки. Меня накрыло уже знакомой взрывной волной. Подобное я испытывала в прошлом, когда мама рассказала о своем мексиканце.

— Просто не хочу, чтобы за мной кто-то присматривал, — наконец сказала я. — Тем более какая-то Катерина. Откуда она вообще взялась?

— Хочешь ты с ней знакомиться или нет, но она все равно будет в моей жизни, — строго сказал отец. Каза-